

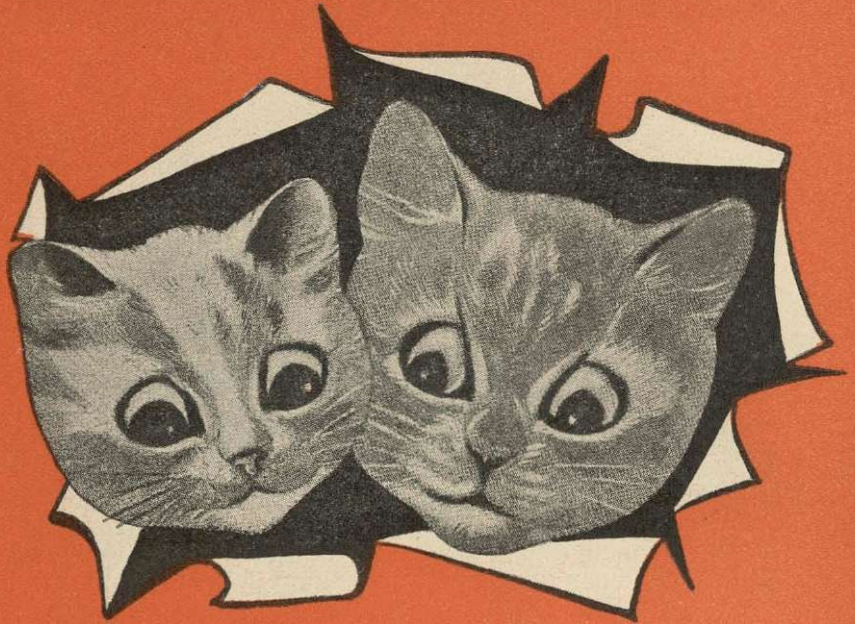
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотекы городскихъ училищъ.

XVII $\frac{45}{10}$
Годъ изданія третій

ФЕВРАЛЬ

№ 7.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

БУРЯ.
ПО ПУТИ ВЪ ГОРОДЪ.
НА ЗАРЬ НОВОЙ ЖИЗНИ
(Историческая повѣсть).
БУДЕТЪ ВРЕМЯ...
ЦАРИЦА ПЧЕЛЪ.
ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ,
ГОЛОВОЛОМКИ, РЕБУСЪ
и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Рикша — извозчикъ на Ледьнемъ

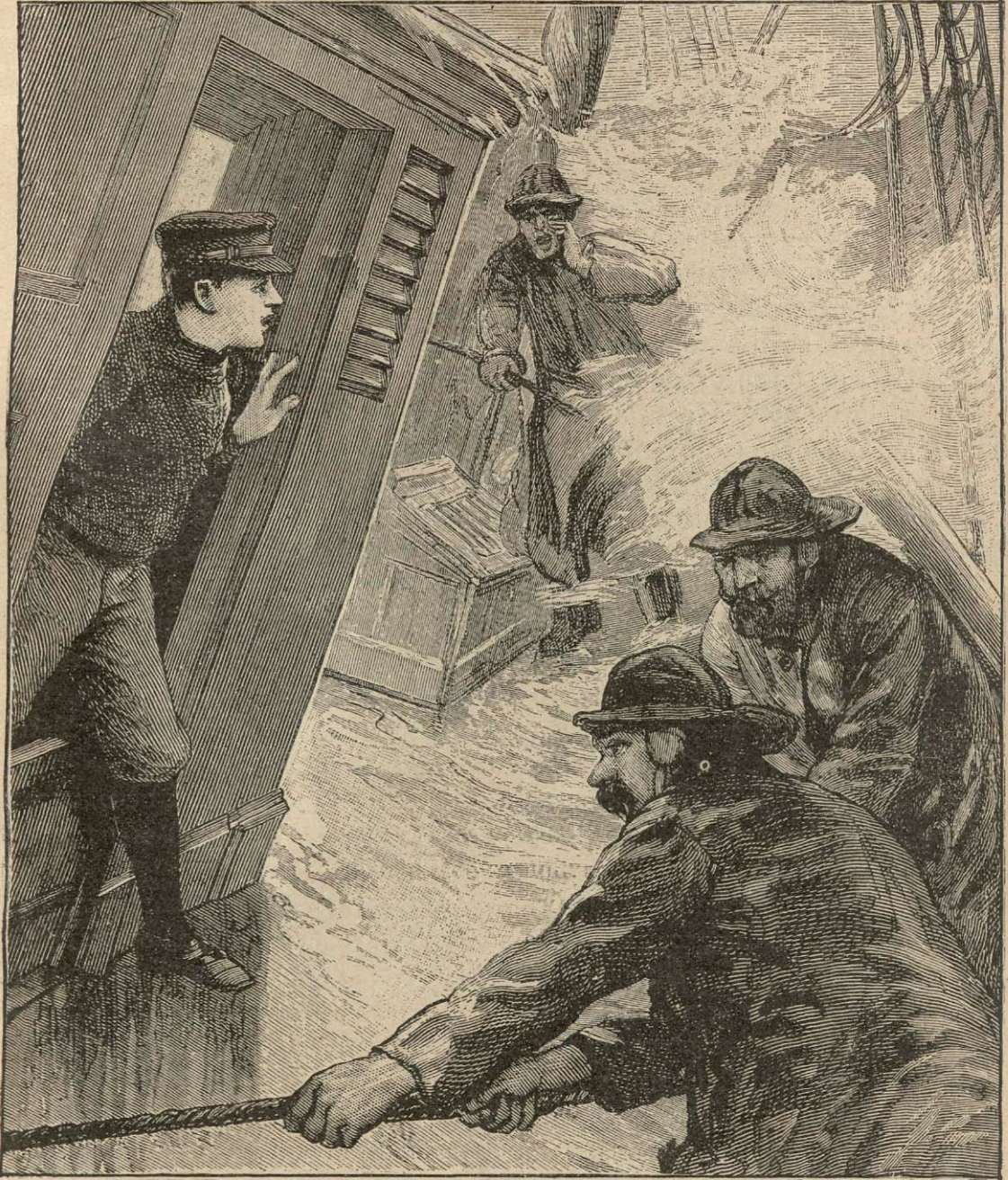
№ 7. Февраль, 1910.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Матросы въ кожанныхъ курткахъ, не спавшіе всю ночь, тянули за какой-то канатъ; раздавалась команда капитана...

БУРЯ.

Всякій разъ какъ къ намъ приходилъ дядя-Коля, мы бросались къ нему гурьбой и насильно усаживали его на диванъ.

— Дядя-Коля, милый, хороцій, обращались мы къ нему.—Разскажи намъ что-нибудь!

Онъ отмахивался отъ насъ, говорилъ, что мы ему надоѣли, хмурилъ брови и въ шутку кричалъ на насъ, но мы еще больше приставали къ нему и онъ въ концѣ-концовъ плотно усаживался на диванъ, собиралъ насъ всѣхъ вокругъ себя и разсказывалъ намъ какую-нибудь интересную исторію изъ своей жизни. Больше всего намъ нравился его разсказъ о томъ, какъ онъ погибалъ въ морѣ, и мы слушали ее отъ него чуть не двадцать разъ и готовы были слушать хоть каждый день. И онъ охотно намъ ее разсказывалъ.

— Я былъ еще маленькій, говорилъ онъ,—мнѣ не было еще и десяти лѣтъ. Своего папу я не помню, а моя мама была предобрѣйшимъ существомъ, не чаявшимъ во мнѣ души. Я былъ ея единственнымъ сынкомъ и вся наша жизнь проходила всегда вмѣстѣ. Мама меня учила читать и писать, водила меня гулять, мы вмѣстѣ играли, вмѣстѣ бѣгали по комнатамъ и даже плакали вмѣстѣ. Стоило только мнѣ ушибиться и заплакать, какъ вмѣстѣ со мною плакала и она: такъ мы любили другъ друга.

Часто къ намъ приходили дѣдушка съ бабушкой. Они тоже меня баловали и я любилъ, когда дѣдушка разсказывалъ мнѣ свои сказки. Часто всѣ мы ѣздили за городъ кататься, а на дачу выѣзжали всегда вмѣстѣ. Я не знаю другой такой семьи, гдѣ бы члены ея жили такъ дружно, какъ мы.

Только скоро случилась неприятность. На лицѣ у мамы стали появляться какія-то пятна, она поблѣднѣла, похудѣла и стала кашлять. Я помню, какъ къ намъ сталъ часто ѣздить докторъ. Бабушка и дѣдушка тоже какъ-то сразу осунулись и при-смирѣли. Я чувствовалъ, что отъ меня начали что-то скрывать, къ тому же и мама иной разъ вдругъ ни съ того, ни съ сего хватала меня въ свои объятія, прижимала меня къ себѣ и начинала плакать.

— Чего ты, мама? обращался я къ ней.—О чемъ ты плачешь?

Она смотрѣла на меня печальными глазами, качала головой и не отвѣчала ничего.

Одинъ разъ мама прокашляла всю ночь. Бабушка и дѣдушка все время были около нея. Когда я проснулся среди ночи, то видѣлъ, какъ они сидѣли около маминой кровати и въ дремотѣ качали головами. А утромъ, думая, что я сплю и не слышу, дѣдушка шепнулъ бабушкѣ какъ разъ около моей кровати:

— У нея чахотка... Надо везти ее въ теплые края...

Помню, я горько плакалъ, укрывшись одѣяломъ съ головой.

Затѣмъ мы стали собираться за границу. Было рѣшено, что мы всѣ четверо отправимся въ Швейцарію и поселимся тамъ гдѣ-нибудь по берегу Женевского озера. Тамъ мама будетъ грѣться на солнышкѣ, дышать горнымъ воздухомъ и ѣсть виноградъ. И дѣйствительно, скоро мы поселились въ Территѣ, въ хорошенькомъ домикѣ на берегу Женевского озера, сплошь обросшаго розами. Изъ нашихъ оконъ виднѣлось все озеро, какъ на ладони, по ту сторону его возвышались прекрасныя голубыя Альпы съ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вершинами, а внизу подъ нами, прямо изъ воды, возвышался суровый Шильонскій замокъ. Мама цѣлыми днями стала просиживать на террасѣ нашего домика, бабушка и дѣдушка окружали ее со всѣхъ сторонъ своими заботами, я съ утра и до вечера бѣгалъ по берегу озера и плескался въ его лазурныхъ струяхъ и наша жизнь потекла, какъ сказка. Часто мы разъѣзжали по окрестностямъ: то въ Женеву, то въ Монтрѣ, а одинъ разъ даже ѣздили въ Люцернъ и Цюрихъ и оттуда—на Рейнскій водопадъ.

Мама стала быстро поправляться. Пятна съ ея лица сошли совсѣмъ, она перестала кашлять и въ нашемъ домѣ опять воцарились тѣ радость и счастье, которыя когда-то чуть не

оставили насъ совсѣмъ. Мы всѣ воспрянули духомъ и стали звонко смѣяться.

— Слава Богу! то и дѣло повторялъ дѣдушка.—Слава Богу!

А бабушка, при взглядѣ на образъ, украдкой крестилась на него и тоже шептала: Слава Богу!

Затѣмъ наступила зима. Начались холода, сталъ выпадать снѣгъ и горы нахмурились такъ, что стало скучно. Мама опять-было нахохлилась, но дѣдушка и бабушка пригласили доктора и тотчасъ же собрали ее въ теплые края. Было рѣшено, что мама и я отправимся на цвѣтушій островъ Гернси въ Атлантическомъ океанѣ недалеко отъ береговъ Англии, на которомъ никогда не бываетъ зимы, а дѣдушка и бабушка останутся въ Территѣ, на берегу Женевского озера, и будутъ поджидать насъ до весны.

Недѣлю спустя мы были уже на островѣ Гернси. Не могу описать вамъ того чувства удивленія, которое я испыталъ, когда на большомъ пароходѣ мыплыли по океану отъ Франціи до Гернси. Безбрежное море тихо плескалось о борты нашего парохода, играла музыка, и на палубѣ были танцы, выскакивали изъ воды дельфины. Я глядѣлъ на всю эту массу воды, на этихъ веселившихся, счастливыхъ людей, которые съ такимъ увлеченіемъ танцевали, и мнѣ самому хотѣлось прыгать и танцевать. Мама тоже была очень довольна.

Мы наняли маленькій меблированный домикъ въ саду, сбѣгавшемъ до

половины холма, въ полуверстѣ разстоянія отъ порта св. Петра и весь его наполнили цвѣтами. Цвѣтовъ здѣсь такъ много, не смотря на зимнее время, и такъ они здѣсь дешевы, что не имѣть ихъ считается здѣсь

неприличнымъ. Окно изъ маленькаго кабинета мамы глядитъ прямо на синее море, которое здѣсь синѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Вдалекѣ виднѣются островки съ красивыми дачами, а вблизи, у берега— масса бѣлоснѣжныхъ парусовъ, мелькающихъ туда и сюда по кудрявымъ лазурнымъ водамъ. И едва только мы входимъ въ первый разъ въ этотъ домикъ и оглядываемся назадъ, какъ у мамы и у меня вдругъ вырывается радостный крикъ:

— Ахъ, какъ хорошо!

И мы поселились на Гернси. Мама выздоровѣла совсѣмъ, мы бѣгали съ нею, какъ и въ былыя времена, по нашему саду, смѣялись, шутили, вмѣстѣ играли и часто спускались къ самому берегу и шалили въ водѣ. Солнце свѣтило съ радостныхъ небесъ, кругомъ сладко пахло цвѣтами и, какъ теперь помню, на мамѣ былъ бѣлый фланелевый костюмъ, отдѣланный голубыми полосками, и она мнѣ казалась лучше всѣхъ.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Намъ писали изъ

И я тутъ-же, гдѣ былъ, всталъ на колѣни и горячо сталъ молиться...

Россіи, что тамъ были жестокіе морозы, но у насъ было тепло и свѣтило радостное солнце, и какъ-то не хотѣлось вѣрить, что гдѣ-то еще зима.

Вдругъ отъ дѣдушки изъ Швейцаріи пришло письмо. Онъ писалъ намъ, что его спѣшно вызываютъ въ Россію и что онъ долженъ ѣхать туда непременно. Но такъ какъ бабушка и слышать ничего не хочетъ о возвращеніи домой, то онъ долженъ ее отправить къ намъ на островъ Гернси. Поэтому онъ привезетъ ее на берегъ Атлантическаго океана въ Брестъ. Но она боится моря. Поэтому не смогу ли я оставить маму только на двое сутокъ и пріѣхать за бабушкой въ Брестъ? Тамъ онъ передастъ мнѣ бабушку съ рукъ на руки и кстаги повидается со мной. Онъ писалъ мамѣ, что теперь я уже большой, что мнѣ вполне можно довѣрять и можно положиться на меня и что если она меня отпустить одного въ Брестъ, то этимъ только докажетъ, что поступила хорошо, такъ какъ я мальчикъ, и долженъ иногда быть предоставленъ и самому себѣ.

Батюшки! У меня закружилась голова! Меня называли уже большимъ, поручали мнѣ бабушку и главное — отпускали меня такъ далеко одного! Сердце во мнѣ забилось, лицо стало пылать и

отъ нетерпѣнія застучало въ вискахъ.

Я отправлюсь за бабушкой одинъ!

— Только зачѣмъ они ѣдутъ на Брестъ, а не на Шербургъ, вздыхала мама.—Вѣдь на Брестъ будетъ дальше ѣхать моремъ!

Но я ликовалъ. Чѣмъ дальше и длиннѣе будетъ путешествіе моремъ, тѣмъ болѣе поводовъ для меня вообразать себя великимъ путешественникомъ и жаждать приключеній.

Но вотъ отъ дѣдушки пришла телеграмма, что оба они съ бабушкой уже въ Брестѣ и ждутъ меня. Мама телеграфировала имъ, что я завтра же выѣзжаю къ нимъ съ пароходомъ «Дофинъ», который нынче на ночь прибудетъ изъ Англіи въ Гернси и затѣмъ далѣе отправится во Францію въ Брестъ.

Отъ волненія я не спалъ всю ночь. Вечеромъ дѣйствительно пришелъ «Дофинъ», но оказался плохимъ пароходишкомъ и слѣдовало бы ѣхать съ другимъ; но нетерпѣніе мое было такъ велико, что мама должна была

Оба они понесли меня къ себѣ въ деревню.

примириться со своими опасеніями и отпустить меня во Францію на немъ.

Утромъ была непріятная погода. Дуль вѣтеръ, по океану прыгали барашки и на пристани поднималась пыль. Мама проводила меня на пароходъ, раздался третій свистокъ и она оставила меня одного.

— А то бы подождать другого парохода? обратилась она ко мнѣ въ послѣднюю минуту. — Этотъ ужъ очень плохъ...

Я бросился къ ней на шею, мы простились, раздалась команда капитана и нашъ пароходъ, какъ мячикъ, отскочилъ отъ берега и сталъ выходить въ океанъ. Я стоялъ у борта и долго смотрѣлъ, какъ удалялся отъ меня нашъ милый островъ. На берегу стояла моя мама и махала мнѣ платкомъ. Но вотъ ужъ скрылась и она. Пароходъ вышелъ въ открытое море и закачался въ его волнахъ. Я съ гордостью ходилъ по его палубѣ взадъ и впередъ и воображалъ себя великимъ мореплавателемъ. Покачивало. Дуль вѣтеръ и все небо заволочлось тучами. Качка была настолько ощутительна, что я не могъ объдать. Часамъ къ тремъ дня море потемнѣло, вздулось, зашумѣло и нашъ пароходъ сталъ высоко подскакивать на гребняхъ его волнъ. Онѣ вспрыгивали на его палубу и окатывали собою матросовъ. По ихъ лицамъ и озабоченнымъ движеніямъ я скоро понялъ, что они ожидали серьезной бури и готовились къ ней. Мнѣ стало страшно.

— Зачѣмъ я поѣхалъ?.. думалъ я и мнѣ представлялась уже моя мама, стоявшая на берегу и махавшая мнѣ платкомъ.

Что она теперь дѣлаетъ? Думаетъ ли она обо мнѣ? Знаетъ ли она, что поднимается буря?

А море волновалось все больше и сильнѣе. Теперь уже нашъ бѣдный пароходикъ подбрасывало, какъ щепку, и волны совершенно заливали его со всѣхъ сторонъ. Я цѣлый день не могъ ничего ѣсть и все молился Богу. Летали съ крикомъ какія-то птицы, море шумѣло такъ, что заглушало крики матросовъ. Затѣмъ наступила ночь.

Это была ужасная ночь. Теперь уже буря свирѣпѣла. Нашъ бѣдный «Дофинъ» то высоко взлеталъ на гребни волнъ, а то всею своею тяжестью падалъ внизъ, точно въ пропасть, такъ что у меня подгибались колѣни и я едва держался на ногахъ. Чудовищныя волны съ страшной силой ударялись о бока парохода и онъ жалобно скрипѣлъ и стоналъ. Затѣмъ яркія молніи стали бороздить небо и освѣщать точно въ котлѣ клокотавшій океанъ и глухіе раскаты грома гулко отдавались на водной поверхности.

Я плакалъ.

— Господи, спаси насъ... молился я.— Не дай намъ утонуть!

Всю ночь продолжалась гроза. Къ утру меня укачало и я повалился на койку и, какъ былъ, въ одеждѣ, забылся безпокойнымъ сномъ.

Вдругъ страшный толчокъ и трескъ разбудили меня. Я вскочилъ на ноги и выбѣжалъ наверхъ. Чуть брезжило утро. Нашъ пароходъ лежалъ на боку и волны заливали его со всѣхъ сторонъ. Матросы въ кожаныхъ курткахъ, не спавшіе всю ночь, тянули за какой-то канатъ, раздавалась команда капитана, кто-то кричалъ еще и другой и было похоже на то, что мы тонули.

— Что такое? спросилъ я.—Что случилось?

— Наскочили на подводный камень... угрюмо отвѣтилъ мнѣ матросъ.

Я сдѣлалъ два шага по палубѣ и при всеобщей суматохѣ увидаль, что мачта у насъ была сломана и лежала вдоль корабля. Волны окатывали меня съ ногъ до головы и по лицамъ матросовъ и капитана я понялъ, что положеніе наше теперь было таково, что если къ намъ не придутъ на помощь, то всѣ мы должны погибнуть...

Затѣмъ нашъ пароходъ сталъ свистѣть, чтобы дать о себѣ знать. Его продолжительный гудокъ надрывалъ мнѣ душу и почему-то мнѣ было тошно и хотѣлось лежать. Мысли о мамѣ уже не приходили мнѣ въ голову, я былъ единственнымъ пассажиромъ на всемъ кораблѣ и это еще болѣе усиливало во мнѣ острую боязнь за мою жизнь. Гудѣлъ гудокъ. Шипѣла машина. Ревѣло море. Съ грохотомъ работала лебедка, выгружавшая товары и матросы поднимали ихъ и бросали прямо въ море, чтобы облегчить пароходъ.

А буря становилась все сильнѣе и сильнѣе. Я чувствовалъ, какъ замирало мое сердце и какъ я нуждался въ чьей-нибудь нравственной поддержкѣ, но я былъ совершенно одинокъ, мнѣ было всего только десять лѣтъ и некому было меня взять за руку, ободрить и успокоить. И я ходилъ по палубѣ, съ ужасомъ смотрѣлъ на злобствовавшее море, пожимался отъ обдававшихъ меня волнъ и шепталъ:

— Господи!.. Господи!.. Когда же это все кончится? Когда это пройдетъ?

Наступило утро, наступилъ затѣмъ день, а буря съ каждымъ часомъ становилась все ужаснѣе и злѣе и мы все еще продолжали сидѣть на камняхъ. Съ нетерпѣніемъ мы ожидали помощи, но она не приходила и положеніе наше становилось безнадежнымъ.

— А гдѣ же лодки? спросилъ я у одного матроса.—Неужели мы не можемъ спастись на лодкахъ?

Онъ угрюмо посмотрѣлъ на меня и съ горечью отвѣтилъ:

— Всѣ шлюпки сорвались во время удара и потонули въ морѣ. Осталась одна только, которую капитанъ приберегаетъ до послѣдней минуты...

И эта послѣдняя минута наступила.

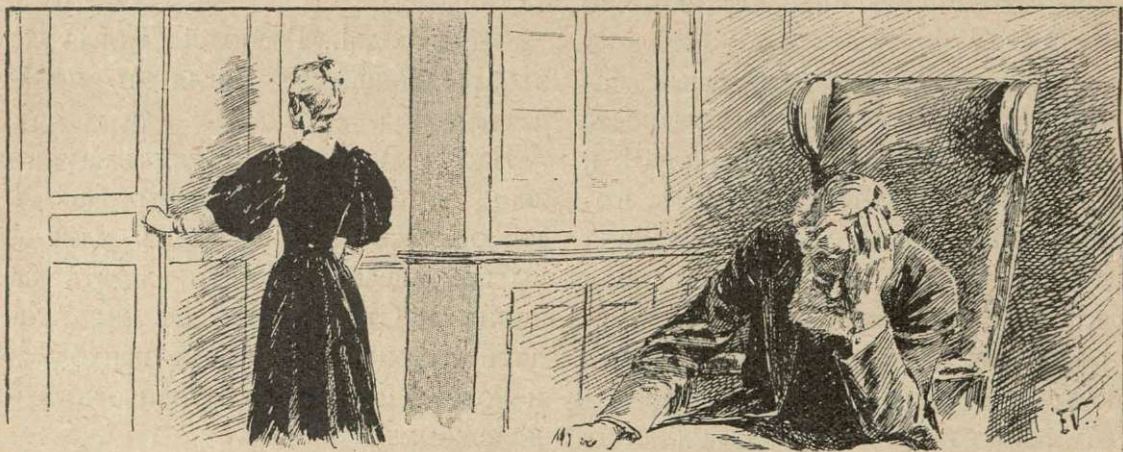
Я помню, какъ страшныя волны стали ломать нашъ пароходъ. Сквозь образовавшуюся течь вода хлынула внутрь, залила каюты, такъ что всѣ мы должны были выскочить наверхъ.

Но и здѣсь насъ обливали волны и каждую минуту готовы были сорвать насъ съ парохода и унести въ море. Затѣмъ, когда наступила ночь, чьи-то двѣ сильныя руки схватили меня и куда-то понесли.

— Куда мы?.. спросилъ я.

— Въ лодку... отвѣтилъ несшій меня матросъ.—Теперь оставаться на пароходѣ уже нельзя и надо плыть къ берегу на лодкѣ...

Когда я пришелъ въ себя, то я увидѣлъ себя лежавшимъ на песчаномъ берегу. Около меня ревѣло море, было раннее утро и хмурое небо обступило меня со всѣхъ сторонъ. На всемъ пустынномъ берегу ябыль совершенно одинъ. Мнѣ было попрежнему холодно и я весь промокъ до костей. Словно тяжкій сонъ, все пережитое мною за эти два дня пронеслось въ моей головѣ, я вспомнилъ,

Дѣдушка плакалъ, плакалъ безъ конца...

Было темно, шипѣли волны, нѣсколько человѣкъ усьлись въ лодку и среди нихъ находился и я. Затѣмъ раздалась команда, матросы взмахнули веслами и насъ понесло, какъ щепку. Я не зналъ, куда мы плыли, да, думаю, не зналъ изъ всѣхъ насъ и никто; мы предались на волю Бога и насъ несло невѣдомо куда. Мнѣ было холодно, я не ѣлъ уже два дня и скоро лишился чувствъ..

Я не знаю, что произошло съ нашей лодкой и куда дѣвались мои товарищи-матросы, съ которыми я плылъ.

какъ я спасался съ матросами на лодкѣ и какъ лишился чувствъ, и понялъ, что изъ всѣхъ ихъ я спасся только одинъ и злое и въ то же время доброе море выбросило меня на берегъ одного и оставило меня въ живыхъ. И я тутъ же, гдѣ былъ, всталъ на колѣни и горячо сталъ молиться Богу и благодарить Его за спасеніе. Но усталость и пережитыя страданія пересилили меня и я снова повалился на мокрый песокъ и снова лишился чувствъ...

Шли два крестьянина. Они уви-

дали меня лежавшимъ на берегу, поняли въ чемъ дѣло, и стали меня будить. Но я не просыпался и не приходилъ въ себя. Тогда одинъ изъ нихъ взялъ меня за ноги, а другой за плечи и оба они понесли меня къ себѣ въ деревню. Когда я снова пришелъ въ себя, то увидѣлъ себя въ мягкой постели. На мнѣ было теплое одѣяло. Противъ меня горѣлъ въ очагѣ огонь. По скромной обстановкѣ я догадался, что я былъ въ крестьянской избѣ. Около меня сидѣлъ молодой человѣкъ и какая-то женщина въ громадномъ бѣломъ чепцѣ.

— Вотъ видишь, дядюшка Жакъ, обратился молодой человѣкъ къ сидѣвшему у окошка старику въ суконной ермолкѣ. — Я говорилъ тебѣ, что онъ скоро придетъ въ себя!

— Это хорошо, Андре, отвѣтилъ старику. — Теперь ему нужно дать полстакана вина и поѣсть.

Женщина въ чепцѣ подала мнѣ вино и чашку съ супомъ, въ которомъ было разболтано яйцо. Ахъ, съ какимъ я наслажденіемъ выпилъ это вино и съѣлъ этотъ супъ! За эти двое сутокъ я

проголодался такъ, что могъ-бы съѣсть цѣлаго быка.

— Гдѣ я? спросилъ я потомъ.

— Въ Нормандіи, отвѣтилъ Андре, — въ деревнѣ Дюбарри. Мы подняли тебя на берегу, лежавшимъ

Когда поѣздъ подошелъ къ вокзалу, то дядюшка, какъ вихрь, вбѣжалъ ко мнѣ въ вагонъ, схватилъ меня на руки и вынесъ на воздухъ.

безъ чувствъ. Если можешь, то расскажи намъ, что съ тобою произошло. Была большая буря и навѣрное ты потерпѣлъ крушеніе.

Уже тогда я отлично говорилъ по-французски. Я сообщилъ имъ, кто я такой, куда ѣхалъ и вообще рассказалъ имъ все. Слушая меня, они всплескивали руками, а женщина въ громадномъ чепцѣ плакала навзрыдъ. Затѣмъ, когда я кончилъ свой рассказъ, дядюшка Жакъ и Андре вышли изъ дома и долго не возвращались. Меня стало знобить. Отъ озноба я сталъ стучать зубами, а потомъ со мною случился жаръ. Женщина въ чепцѣ заботливо укутала меня со всѣхъ сторонъ и дала мнѣ чего-то выпить.

— Ты простудился, дитя мое... сказала она.—Постарайся уснуть и къ утру это пройдетъ...

Въ это время возвратились Андре и дядюшка Жакъ.

— Мы посылали въ Брестъ телеграмму, сказалъ Андре,—и вотъ получили на нее отвѣтъ. Этого мальчика ждуть его дѣдушка и бабушка, которые очень беспокоятся о немъ, и мы должны сейчасъ же отвезти его на станцію и посадить въ вагонъ.

Они стали собирать меня въ путь, женщина въ чепцѣ укутала въ шаль и въ такомъ видѣ Андре посадилъ меня въ таратайку и повезъ меня на вокзалъ. У меня былъ жаръ. Я чувствовалъ, какъ мое дыханіе обжигало мнѣ верхнюю губу и какъ было

сухо у меня въ горлѣ и во рту. Затѣмъ я впалъ въ полузабытѣе и уже не помню хорошо, какъ Андре усаживалъ меня въ вагонъ и какъ строго наказывалъ кондуктору беречь меня и въ цѣлости доставить въ Брестъ.

— Это—герой! говорилъ онъ ему и тутъ же рассказалъ всѣмъ пассажирамъ обо всемъ, что мнѣ пришлось пережить.

Я слышалъ сквозь забытѣе, какъ пассажиры высказывали свое удивленіе и какъ пересказывали затѣмъ мою исторію другимъ.

А въ это время мои дѣдушка и бабушка переживали въ Брестѣ тяжелые дни. Я долженъ былъ явиться къ нимъ еще вчера утромъ, они поджидали меня, но такъ и не дождались въ теченіи цѣлаго дня. Чувство безпокойства стало закрадываться въ ихъ души. А когда вечеромъ они шли отъ пристани къ себѣ въ гостинницу и смутно предчувствовали бѣду, на улицахъ вдругъ послышались крики газетчиковъ, продававшихъ вечернія газеты:

— Страшное несчастіе въ морѣ! Гибель парохода «Дофинъ»!

Услышавъ названіе парохода, который они выходили встрѣчать, они въ ужасѣ опустили руки и долго стояли посреди улицы, не имѣя силъ двинуться впередъ. А затѣмъ дѣдушка взялъ бабушку подъ-руку и они еще долго проходили по улицамъ чужого города, не говоря другъ съ другомъ ни слова и молча пере-

нося свалившееся на нихъ горе. А когда они возвратились къ себѣ въ гостинницу, то все стало казаться имъ чуждымъ и, какъ говорилъ мнѣ потомъ дѣдушка, безнадежнымъ впереди.

— Бѣдный мальчикъ! вздыхала бабушка и отъ тяжкаго горя слезы не текли у нея изъ глазъ.

— Бѣдная мать! говорилъ дѣдушка.—Какъ-то она это перенесетъ!

И воспользовавшись тѣмъ, что бабушка вышла изъ номера въ корридоръ, чтобы поплакать тамъ на свободѣ, дѣдушка закрылъ обѣими руками лицо и плакалъ, плакалъ безъ конца.

А потомъ ему вдругъ подали телеграмму. Онъ распечаталъ ее, прочиталъ и вдругъ, какъ маленькій, вскочилъ съ мѣста и сталъ бѣгать по комнатѣ. Какіе-то Андре и Жакъ сообщали ему, что ихъ внукъ живъ, что его выбросило на берегъ и что онъ находится у нихъ и, повидимому, совершенно здоровъ и невредимъ.

— Старуха! Старуха! закричалъ

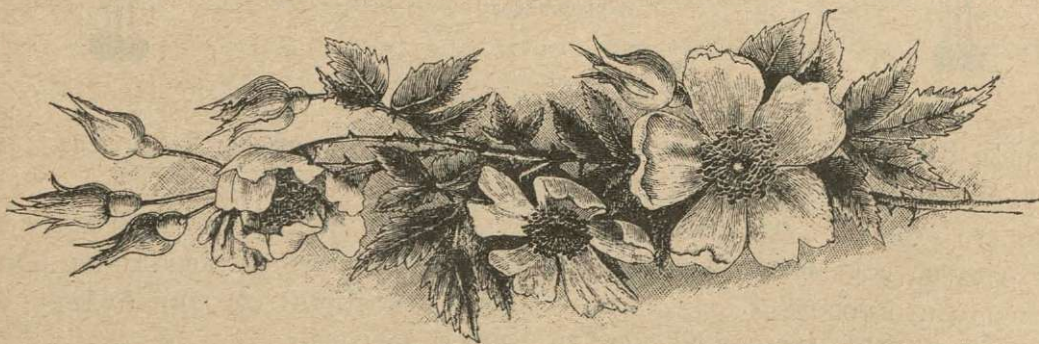
онъ бабушкѣ.—Анна Егоровна, иди скорѣе сюда! Нашъ внукъ живъ! Читай!

Бабушка взяла у него изъ рукъ телеграмму и тоже стала радоваться, какъ дитя.

Потомъ они потребовали себѣ чернилъ, составили телеграмму и послали ее къ Жаку и Андре.

А на слѣдующее утро я былъ уже въ Брестѣ. Когда поѣздъ подошелъ къ вокзалу, то дѣдушка, какъ вихрь, вбѣжалъ ко мнѣ въ вагонъ, схватилъ меня на руки и вынесъ на воздухъ. Но я былъ боленъ и плохо сознавалъ, что было вокругъ меня. Я не слышалъ ни ласкъ бабушки, ни ея разспросовъ, ни дѣдушкиныхъ хлопотъ. А когда я вновь раскрылъ глаза и почувствовалъ себя уже здоровымъ, то свѣтило солнце и около меня стояла мама, тоже здоровая и полная жизни, какъ былъ полонъ ею и я. Я прохворалъ около трехъ недѣль, но теперь былъ здоровъ, и цѣлая жизнь открывалась предо мною впереди.

М. Чеховъ.

ПО ПУТИ ВЪ ГОРОДЪ.

Собравши Сонины пожитки
 И сѣвши вглубь большой кибитки,
 Учиться дочку въ институтъ
 Родители съ тоской везутъ.
 Ихъ Соня льетъ отъ горя слезы
 И отъ трескучаго мороза
 На кончикахъ ея рѣсницъ
 Онѣ висятъ, какъ рядъ крупицъ.
 И утѣшаетъ Соню мать:
 — «Ну, полно, дѣточка, рыдать!
 Тамъ встрѣтишь ты подругъ и ласки,
 Тамъ будешь повѣсти и сказки

Ты интересныя читать,
 Науки будешь изучать,
 Тамъ будетъ очень интересно
 И, потрудившись вдоволь, честно,
 Домой вернешься ты опять
 И будешь сладко отдыхать...»
 А Соня съ горечью вздыхаетъ
 И такъ на это отвѣчаетъ:
 — «Хорошъ, конечно, институтъ,
 А все-жъ роднѣе какъ-то тутъ,
 Здѣсь мои братья, здѣсь семья,
 Сжилась со всѣми вами я;

Конечно, я должна учиться,
 Къ образованію стремиться,
 Но какъ не плакать, не вздыхать,
 Когда своихъ отца и мать
 Должна полгода не видать?»

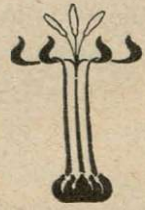
Аксалотъ.

НА ЗАРЬ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

Х.

Тогда Валтасара подвели къ двану. Ильдеримъ и Бенъ-Хуръ встрѣтили его стоя. На немъ была черная одежда, всѣ движенія его были медленны и осторожны.

— Миръ тебѣ, другъ мой! сказалъ ему почтительно Ильдеримъ.

— И тебѣ миръ, отвѣтилъ ему Валтасаръ.

— Вотъ человѣкъ, обратился къ нему Ильдеримъ и указалъ на Бенъ-Хура,—который сегодня будетъ нашимъ другомъ.

Египтянинъ взглянулъ на молодого

человѣка, узналъ его и воскликнулъ:

— Не ты ли тотъ, кто спасъ сегодня меня и мою дочь?

Бенъ-Хуръ вынулъ изъ за-пазухи подаренную ему чашу и протянулъ ее къ Валтасару. На поблекшемъ лицѣ египтянина появился румянецъ.

— Господь послалъ мнѣ тебя сегодня у источника, сказалъ онъ съ дрожью въ голосѣ, протягивая руку Бенъ-Хуру.— Чаша эта твоя, возьми ее себѣ.

Въ это время вошелъ слуга и сказалъ, что ужинъ готовъ.

— Пойдемте! обратился къ гостямъ Ильдеришь.

Бенъ-Хуръ подаль руку Валтасару и повелъ его въ другое отдѣленіе палатки, гдѣ уже былъ накрытъ низенькій столъ. Они усѣлись за него прямо на землѣ, на свои ковры, по восточному обычаю. Имъ принесли умывальникъ; они омыли и вытерли руки; затѣмъ, раздался старческой, но проникнутый благоговѣніемъ голосъ Валтасара:

— Единый Богъ! говорилъ онъ.— Все, что мы имѣемъ,—это отъ тебя. Прими нашу благодарность и благослови насъ, чтобы мы могли продолжать творить Твою волю.

И, поклонившись на востокъ и другъ другу, они сѣли за ужинъ и стали ѣсть.

Тѣмъ временемъ стала спускаться ночь.

— Сегодня ровно двадцать семь лѣтъ, началъ Валтасаръ,—какъ я

встрѣтился когда-то въ пустынѣ съ двумя такими же, какъ и я; тогда мы всѣ трое увидѣли какую-то необыкновенную звѣзду на востокѣ и отправились въ Виолеемъ. Она довела насъ до пещеры; мы вошли въ нее и увидѣли тамъ, въ ясляхъ, Божественнаго Младенца.

— Какого Младенца? спросилъ Бенъ-Хуръ.

Валтасаръ рассказалъ ему все. И по мѣрѣ того, какъ развивался его рассказъ, впечатлѣніе, производимое имъ на молодого еврея, все усиливалось и усиливалось. Рассказъ затронулъ въ его душѣ самыя чувствительныя струны и, удивляясь тому, что самъ онъ ничего объ этомъ еще до сихъ поръ не слышалъ, онъ задалъ Валтасару вопросъ:

— Гдѣ же теперь этотъ тогдашній Младенецъ?

— Не знаю... отвѣтилъ Валтасаръ.— Если бы я зналъ, гдѣ Онъ, то тотчасъ же отправился бы къ Нему. Ни моря, ни горы не остановили бы меня.

— Но какъ ты думаешь, гдѣ Онъ? снова спросилъ Бенъ-Хуръ.

Валтасаръ ласково взглянулъ на него и отвѣтилъ:

— Кто знаетъ? Можетъ быть, теперь, въ этотъ самый вечеръ, Онъ стоитъ гдѣ-нибудь въ Иудеѣ или Галилеѣ у порога дома и любитъся этимъ звѣзднымъ сводомъ неба. Но съ каждымъ днемъ приближается то время, когда Онъ объявитъ себя и спасетъ свой народъ.

Сидѣвшіе за столомъ погрузились въ раздумье.

— Значитъ, Онъ избавить и нашу родину отъ римлянъ? нарушилъ молчаніе Бенъ-Хуръ.

Валтасаръ не отвѣтилъ. Онъ омылъ свои руки и поднялся изъ-за стола.

— Добрый Ильдеримъ, обратился онъ къ шейху.—Завтра я хочу отправиться съ дочерью въ городъ. Ей хочется поглядѣть на скачки. Поэтому завтра же мы переѣдемъ отъ тебя въ Антиохію.

Ильдеримъ и Бенъ-Хуръ тоже встали изъ-за стола.

— Хорошо, отвѣтилъ Ильдеримъ.— Я дамъ тебѣ лошадей и они свезутъ тебя съ дочерью туда.

— Миръ вамъ и спокойной ночи! поклонился имъ обоимъ Валтасаръ и вышелъ въ другое отдѣленіе палатки.

Бенъ-Хуръ тоже простился съ Ильдеримомъ и вышелъ на воздухъ. Ночь была тихая и звѣзды кротко мерцали съ вышины. Кричали ночныя птицы и въ травѣ трещали кузнечики. Всѣ чувства Бенъ-Хура были возбуждены. Великая надежда зародилась вдругъ въ его душѣ. Неужели дѣйствительно родился уже Спаситель міра Христосъ? Неужели Ему теперь уже около 30 лѣтъ? Онъ скоро объявитъ себя, какъ сказалъ сейчасъ Валтасаръ, и явится ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ и протянетъ имъ руку помощи и, быть можетъ, поможетъ ему, Іудѣ, отыскать своихъ многострадальныхъ мать и сестру...

И сердце Бенъ-Хура сильно забилося. Какъ вдругъ кто-то положилъ ему руку на плечо. Онъ обернулся и увидаль около себя Ильдерима.

— Мнѣ надо сказать тебѣ одно слово, промолвилъ шейхъ.

— Какое? спросилъ его Бенъ-Хуръ.

— Вѣрь всему, что ты слышалъ сегодня отъ Валтасара.—Нашъ освободитель дѣйствительно придетъ. Онъ уже родился тогда въ Виолеемѣ и теперь Ему уже около 30 лѣтъ. И если ты не вѣришь, то повидайся съ Симонидомъ. Онъ живетъ здѣсь въ Антиохіи и если хочешь, то я познакомлю тебя съ нимъ. Онъ знаетъ все священное писаніе и докажетъ тебѣ, какъ дважды два четыре, что этотъ, родившійся когда-то въ Виолеемѣ, Младенецъ будетъ дѣйствительно Іудейскимъ царемъ. А теперь прощай!

И онъ ушелъ обратно въ палатку.

А въ это время, сидя у себя во дворцѣ въ Антиохіи, Мессала писалъ къ своему другу Валерію Грату письмо. Онъ писалъ его къ тому самому Грату, который все еще былъ губернаторомъ въ Іудеѣ и на котораго когда-то изъ-подъ ногъ Іуды Бенъ-Хура свалилась черепица, и по милости котораго вся семья Бенъ-Хура и онъ самъ были такъ жестоко осуждены.

«Отъ Мессалы къ Грату».

— «Дорогой другъ. Я расскажу сейчасъ тебѣ объ удивительномъ происшествіи, которое заставитъ тебя сильно призадуматься. Помнишь ли ты

семейство Іерусалимскаго князя Бенъ-Хура? Помнишь, какъ когда-то на тебя свалилась съ крыши черепица и какъ мы съ тобой раздули этотъ случай въ цѣлое преступленіе? Тогда все семейство Бенъ-Хура по нашему приказанію схватили и расправились съ нимъ, какъ слѣдуетъ, а все имущество этой семьи мы подѣлили поровну между собой. Іуду мы сослали въ каторжныя работы, но ты помнишь, конечно, какъ ты поступилъ съ его матерью и сестрой. Живы онѣ, или умерли? Я надѣюсь, что ты простишь меня за это любопытство и сообщишь мнѣ объ этомъ.

«Прикованный на всю жизнь къ веслу и поставленный въ самыя тяжкія условія, Бенъ-Хуръ долженъ былъ умереть. Будучи вполне увѣренъ въ его смерти, я спокойно прожилъ пять лѣтъ, пользуясь отнятымъ у него богатствомъ. Но вотъ сегодня прибылъ сюда сынъ покойнаго нашего трибуна Аррія. Я собралъ о немъ самыя точныя свѣдѣнія. Бойся: это не сынъ Аррія, а тотъ самый Бенъ-Хуръ, котораго мы съ тобой такъ жестоко обидѣли. Теперь онъ возвратился сюда съ громаднымъ состояніемъ, съ знаменитымъ именемъ и со званіемъ римскаго гражданина и теперь уже мы ничего не посмѣемъ съ нимъ сдѣлать, такъ какъ уже и сами можемъ пойти за него въ каторжныя работы, если его обидимъ: теперь, повторяю, онъ уже не еврей, а римскій гражданинъ, то есть такой же полноправный, какъ и мы

съ тобой. Мы съ тобой оба вмѣстѣ ограбили его и навѣрное онъ будетъ намъ мстить. Спаси и защити меня отъ Бенъ-Хура. Ты это можешь. Я посылаю тебѣ это письмо срочно, чтобы заблаговременно извѣстить тебя о появленіи нашего мстителя. Отвѣта твоего жду съ нетерпѣніемъ. Я безпокоюсь.

«Я видѣлъ вчера Бенъ-Хура въ здѣшней рощѣ Дафны, у источника. Если его теперь тамъ нѣтъ, то онъ навѣрное находится гдѣ-нибудь по близости. Его надо искать вѣроятно у этого негодяя шейха Ильдерима, которому еще не миновать нашихъ рукъ. Мы съ тобой доберемся и до него и подѣлимъ между собой и его состояніе, какъ подѣлили состояніе Бенъ-Хура. Но это впоследствии. Теперь же я жду твоихъ распоряженій, какъ поступить съ Бенъ-Хуромъ. Отвѣчай скорѣе.

Мессала».

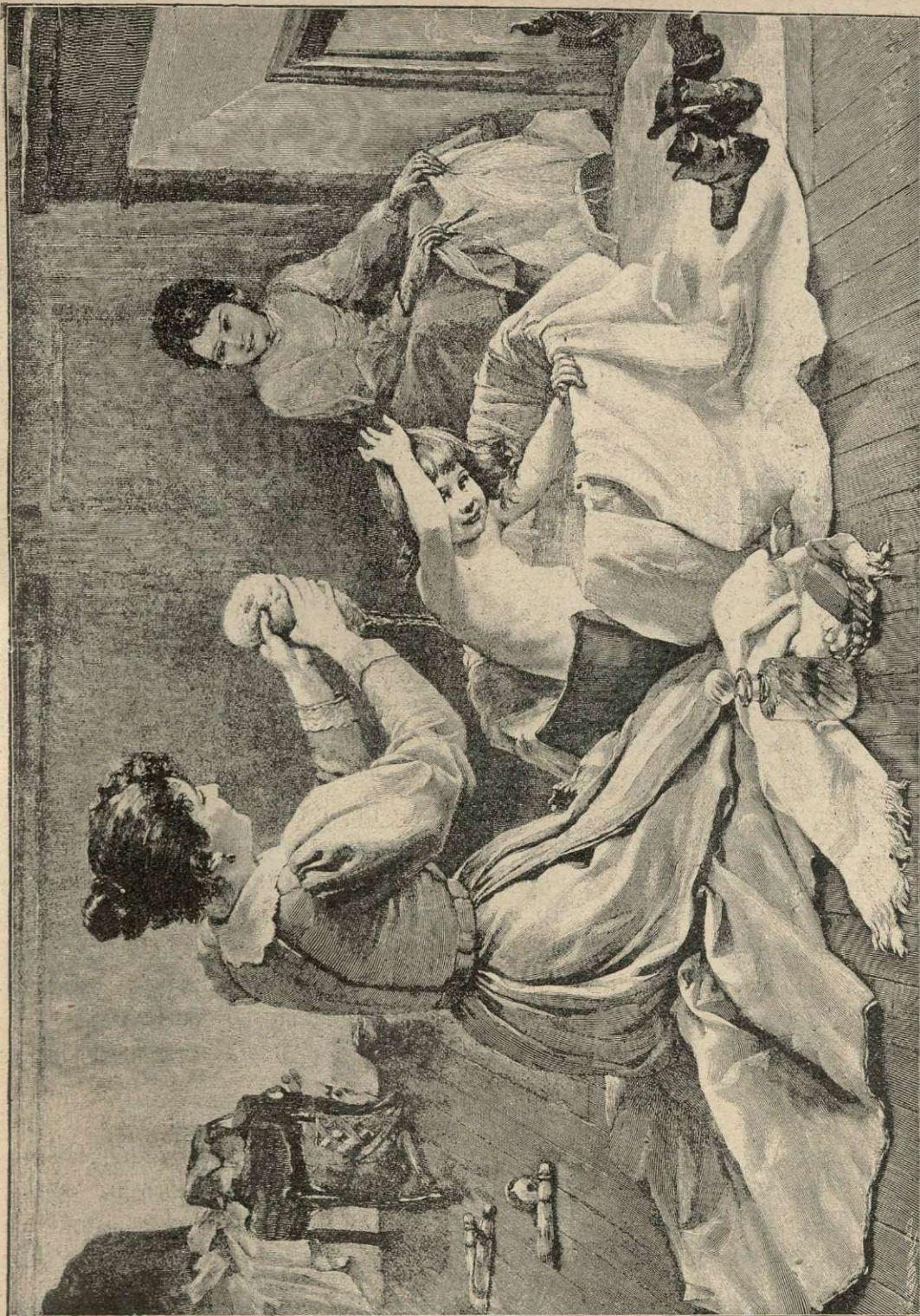
Это письмо Мессала запечаталъ и самъ лично отправилъ со своимъ гошцомъ изъ Антиохіи въ Іерусалимъ къ губернатору Грату.

А затѣмъ онъ написалъ въ Римъ доносъ слѣдующаго содержанія:

«Въ окрестностяхъ Антиохіи появился арабскій шейхъ Ильдеримъ. Онъ возмущаетъ мѣстныхъ жителей противъ римлянъ. Его слѣдовало бы арестовать и немедленно сослать, а его имущество приказать губернатору Грату и его помощнику Мессалѣ отобрать въ казну».

Зима.

— Не брызгай, мама!

Это письмо онъ запечаталъ своей печатью и отправилъ моремъ въ Римъ къ одному изъ своихъ вліятельныхъ друзей.

Въ то время не было еще почтовыхъ поѣздовъ и почтовыхъ пароходовъ и потому всѣ письма перевозились на частныхъ купеческихъ судахъ. А такъ какъ по Средиземному морю чаще всѣхъ другихъ плавали суда Симонида, то это письмо и попало на одинъ изъ Симонидовыхъ кораблей. Капитанъ этого корабля, увидѣвъ письмо съ именной печатью Мессалы, заинтересовался имъ и распечатавъ его, прежде чѣмъ отправиться въ путь, отнесъ его къ своему хозяину Симониду. Симонидъ прочиталъ его и сразу же понялъ, какая опасность грозила шейху Ильдериму. Онъ тотчасъ же сѣлъ за столъ, написалъ къ нему письмо и отправилъ его съ Маллухомъ.

«Мой другъ, писалъ онъ,—мы съ тобою знакомы уже давно и оба ненавидимъ римлянъ. Мы оба вѣримъ съ тобою въ то, что скоро долженъ явиться Мессія, который избавитъ насъ отъ нихъ. Но пока Онъ еще не явился, вотъ тебѣ мой совѣтъ:— У тебя въ палаткахъ гоститъ сейчасъ одинъ молодой человекъ, именующій себя сыномъ Аррія. Онъ очень дорогъ мнѣ. Исторія его чудесна. Я расскажу тебѣ ее. Приѣзжай ко мнѣ сегодня или завтра и я передамъ тебѣ ее и посоветуюсь съ тобой. Исполни всѣ его требованія, позволяй ему дѣлать все, что только

онъ пожелаетъ. Если понадобятся деньги, то я уплачу все. Никому не говори, что я имъ интересуюсь. Но это еще не все. Береги его и себя. Прими предосторожности. Я перехватилъ уже одно письмо отъ Мессалы въ Римъ, которое онъ посылаетъ моремъ. Но никто не можетъ поручиться въ томъ, что Мессала не пошлетъ къ Грату писемъ и по сухому пути. Пошли поэтому твоихъ арабовъ къ Иерусалиму и пусть они перехватываютъ на дорогѣ всѣ письма, адресованныя къ Грату. Ты долженъ всѣ ихъ прочитать. Дѣйствуй безъ колебаній. Это мое письмо сожги.

Твой другъ Симонидъ».

Это письмо доставилъ Ильдериму Маллухъ. Прочитавъ его, Ильдеримъ сунулъ его къ себѣ за поясъ и, подзававъ къ себѣ Бенъ-Хура, сказалъ:

— Бери всѣхъ моихъ лошадей. Я отдаю ихъ въ твое полное распоряженіе, ибо одинъ изъ моихъ друзей приказываетъ мнѣ вѣрить тебѣ. Дѣлай съ ними, что хочешь.

Бенъ-Хуръ обрадовался и тотчасъ же побѣжалъ къ лошадямъ.

Теперь онъ унизитъ своего врага Мессалу.

А Ильдеримъ подзавалъ къ себѣ двухъ своихъ вѣрныхъ арабовъ и что-то долго говорилъ имъ на своемъ языкѣ. Они внимательно выслушали его и затѣмъ, сѣвъ на коней, во весь духъ поскакали по дорогѣ къ Иерусалиму.

Три дня спустя, они вернулись къ Ильдериму и дѣйствительно привезли ему письмо. Они подстерегли, когда его везъ къ Грату посланный Мессалы, напали на него и, отнявъ у него письмо, во весь духъ поскакали съ нимъ обратно въ Антиохію къ Ильдериму.

— Господинъ, сказали они.—Мы исполнили все, что ты намъ приказалъ. Вотъ то письмо, которое ты такъ хотѣлъ имѣть.

Ильдеримъ осмотрѣлъ письмо со всѣхъ сторонъ. Если-бы оно было написано по-гречески или по-арабски, то онъ могъ бы его прочесть, но оно было написано по-латински и онъ могъ только разобрать подпись: «Мессала». Когда онъ прочелъ ее, то глаза его засверкали.

— Гдѣ сынъ Аррія? спросилъ онъ.

— Въ полѣ, выѣзжаетъ лошадей, отвѣчалъ служитель.

— Позови его сюда.

Слуга удалился.

Вскорѣ къ Ильдериму явился Бенъ-Хуръ.

— Ты хотѣлъ меня видѣть, шейхъ? обратился онъ къ нему.

Ильдеримъ протянулъ къ нему письмо.

— Читай, сказалъ онъ.—Ты понимаешь по-латински. Читай и переводи.

Бенъ-Хуръ беззаботно приступилъ къ чтенію: «Отъ Мессалы—къ Грату». Онъ остановился. Кровь прилила къ его сердцу.

Ильдеримъ замѣтилъ его волненіе.

— Что-же ты? сказалъ онъ.— Продолжай!

Бенъ-Хуръ возобновилъ чтеніе письма. Прочитавъ его, онъ опустился на диванъ. Письмо упало изъ его рукъ и онъ закрылъ себѣ лицо. Шейхъ тоже стоялъ нахмурившись. Его поразила фраза: «Я видѣлъ вчера Бенъ-Хура въ здѣшней рошѣ Дафны, у источника. Его надо искать вѣроятно у этого негодяя шейха Ильдерима, которому еще не миновать нашихъ рукъ. Мы съ тобой доберемся и до него и подѣлимъ между собой и его состояніе, какъ подѣлили состояніе Бенъ-Хура». Губы и борода его затряслись отъ гнѣва и жилы на лбу и на шеѣ такъ надулись, что, казалось, готовы были лопнуть.

— Это я-то негодяй?! воскликнулъ онъ, и сжалъ въ кулакъ свою бороду.—Это меня-то онъ хочетъ разорить, какъ разорилъ и тебя?! Это мнѣ-то не миновать его рукъ?!

Онъ заскрежеталъ зубами, прошелся два раза взадъ и впередъ быстрыми шагами и, подойдя къ Бенъ-Хуру, крѣпко схватилъ его за плечо.

— Сынъ Хура! обратился онъ къ нему.—Я ненавижу римлянъ и знаю, что ненавидишь ихъ и ты. Сбрось маску! Ты не сынъ Аррія, а Хуръ! Давай имъ мстить!

Столько лѣтъ уже молодой человѣкъ не слышалъ, чтобы къ нему обращались, называя его настоящимъ именемъ. По крайней мѣрѣ, теперь хоть одинъ человѣкъ

призналъ его тѣмъ, кѣмъ онъ дѣйствительно былъ. Но какъ онъ могъ узнать его? Конечно, изъ этого письма Мессалы. И онъ былъ доволенъ и сердце его трепетало отъ возникшей въ немъ надежды, что хоть Ильдеримъ удостовѣритъ передъ Симонидомъ то, что онъ дѣйствительно Бенъ-Хуръ.

— Добрый шейхъ, сказалъ онъ.— Расскажи, какъ попало къ тебѣ это письмо?

— Я послалъ къ Иерусалиму двухъ своихъ преданныхъ людей, отвѣчалъ Ильдеримъ,—и они отняли его у курьера Мессалы.

— Что ты теперь намѣренъ дѣлать дальше?

Ильдеримъ не сразу отвѣтилъ.

— Я поѣду сейчасъ въ Антиохію къ Симониду, отвѣтилъ онъ наконецъ.—Кстати, мой гость Валтасаръ съ дочерью уже тамъ... Дай мнѣ письмо!

Бенъ-Хуръ подалъ ему письмо.

Круто повернувшись, шейхъ вышелъ изъ палатки и затѣмъ вскочилъ на коня и поскакалъ въ Антиохію.

Бенъ-Хуръ бросился на диванъ и залился горячими слезами. Теперь онъ зналъ все; онъ зналъ, кто былъ его настоящій врагъ и за что этотъ врагъ погубилъ всю его семью.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ палатки и долго просидѣлъ у ея порога. Прошелъ день, наступилъ вечеръ, настала затѣмъ ночь, а онъ все сидѣлъ

и думалъ, вспоминая о матери и сестрѣ. Гдѣ онъ теперь? Живы-ли онѣ? И если живы, то какъ узнать, гдѣ онѣ теперь коротаютъ свои дни?

Но вотъ наконецъ послышался топотъ лошади.

— «Это возвращается изъ Антиохіи Ильдеримъ»... подумалъ Иуда.

Но это былъ вовсе не Ильдеримъ. Это прискакалъ изъ города Маллухъ.

— Шейхъ Ильдеримъ, сказалъ онъ, не слѣзая съ лошади,—проситъ тебя немедленно садиться на коня и ѣхать въ городъ. Онъ ждетъ тебя у Симонида.

Бенъ-Хуръ дальше не распрашивалъ. Онъ тотчасъ-же осѣдлалъ коня, вскочилъ на него и оба они помчались въ Антиохію.

Два часа спустя, онъ уже опять стоялъ передъ дверью того дома, гдѣ уже стоялъ одинъ разъ и изъ-за которой, какъ и тогда, раздался тотъ-же голосъ Симонида:

— Пусть войдетъ!

И Бенъ-Хуръ вошелъ. Комната была та-же самая, въ которой онъ и въ первый разъ видѣлся съ Симонидомъ. Въ ней было теперь три челоуѣка: самъ Симонидъ, Ильдеримъ и Эсфирь. Онъ быстро оглянулся на всѣхъ, какъ бы желая найти отвѣтъ на вопросъ: какое у нихъ могло быть до него дѣло? И онъ старался быть какъ можно болѣе спокойнымъ, такъ какъ не былъ еще увѣренъ, друзья они его, или враги.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУДЕТЬ ВРЕМЯ...

Будеть время, будетъ—
 Къ намъ вернется май,
 И воскреснетъ къ жизни
 Весь родимый край.
 Рѣки разольются
 И сломаютъ ледъ,
 Соловей прекрасный
 Въ рощѣ запоетъ!

Солнце улыбнется
 Съ высоты небесъ.
 Зацвѣтетъ шиповникъ,
 Засмѣется лѣсъ.
 Колосья наливаются
 На поляхъ начнетъ,
 И косарь по лугу
 Съ пѣснею пройдетъ.

Липы наши будутъ
 Зелены опять,
 Станутъ на вѣночки
 Вѣтки предлагать.
 Жадно, съ нетерпѣньемъ
 Ждетъ родимый край,
 Скоро ли вернется
 Благодатный май?

Изъ Я. Волка. Н. Новичъ.

ЦАРИЦА ПЧЕЛЪ.

(Изъ жизни улья).

Крестьянинъ отперъ улей.

— Ну, летите на свободу! сказалъ онъ пчеламъ.—Солнце ярко свѣтитъ и цвѣты уже распустились. Покажите ваше трудолюбіе и соберите-ка мнѣ побольше медку, чтобы я его къ осени могъ продать!

Пчелы вылѣзли изъ улья и стали справлять свои крылышки. Онѣ сидѣли взаперти цѣлую зиму и за все это время почти не видали свѣта и соскучились по свѣжемъ воздуху. Жужжа и перешептываясь меж-

ду собою, онѣ стали потирать свои лапки и шевелить крылышками. Затѣмъ онѣ засуетились, зашумѣли и стали перелетать на цвѣты и съ цвѣтовъ на кустарники.

Ихъ вылетѣло такъ много, что нельзя было сосчитать. Послѣ всѣхъ на воздухъ выползла ихъ матка. Она была гораздо крупнѣе, чѣмъ другія пчелы, и всѣ онѣ ей повиновались: она была ихъ царицей.

— Ну, дѣтки, обратилась она къ пчеламъ,—теперь пора и за работу.

Хорошая пчела даромъ времени не тратитъ!

Она собрала ихъ въ кучу, раздѣлила ихъ на семьи и каждой семьѣ поручила отдѣльную работу.

— Вы полетите въ поле, обратилась она къ однимъ пчеламъ,—и поглядите, есть-ли тамъ уже медъ на цвѣтахъ, вы будете собирать пыльцу съ растеній и въ свою очередь передавать ее старымъ пчеламъ, а онѣ будутъ ее отъ васъ принимать.

И пчелы полетѣли. Последнюю семью составляли самыя молодыя пчелки. Онѣ не знали, что имъ дѣлать.

— А чѣмъ-же намъ заняться? спросили онѣ.

— Вамъ? отвѣтила царица.— Вы будете потѣть. Ну, принимайтесь-же за потѣніе! Разъ-два-три! Скорѣе!

Онѣ тотчасъ-же принялись потѣть и изъ ихъ пота сталъ получаться нѣжный, желтый воскъ.

— Отлично, сказала царица.— Теперь давайте изъ этого воска строить домики.

Старыя пчелы приняли отъ молодыхъ ихъ потъ и стали строить изъ него шести-угольныя ячейки; всѣ ячейки были совершенно одинаковы и плотно прилегали одна къ другой. Въ то время какъ онѣ строили ихъ, съ поля прилетали другія пчелы и приносили съ собой пыльцу съ цвѣтовъ и медъ. Онѣ клали ихъ къ ногамъ своей царицы.

— Замѣсите эту пыльцу на меду, приказала царица.— Отъ этого медъ будетъ вкуснѣе!

Онѣ стали мѣсить пыльцу съ медомъ и скатывать изъ нея вкусныя шарики, которые стали относить затѣмъ въ ячейки.

— А вы продолжайте потѣть и строить! продолжала распоряжаться царица.

И пчелы потѣли, выдѣляли изъ себя воскъ и передавали его другимъ пчеламъ, которыя строили изъ него ячейки, а пчелы, улетавшія изъ улья въ поле, приносили оттуда медъ и пыльцу и наполняли ими ячейки.

— Ну, а теперь очередь за мной! сказала царица.

И она при этомъ глубоко вздохнула, потому что это было самое серьезное дѣло.

Она вышла на середину улья и стала класть яички. Она клала ихъ кучками, а пчелы подбѣгали къ ней, брали отъ нея яички въ ротъ и относили ихъ къ ячейкамъ. Въ каждую ячейку онѣ положили по одному яичку. И когда всѣ яички были наполнены, то царица приказала запечатать всѣ ячейки воскомъ и оставить яички тамъ лежать.

— Ну, вотъ и хорошо! съ облегченіемъ вздохнула царица.— А теперь постройте гдѣ-нибудь по сторонамъ десять ячеекъ побольше, просторнѣе, чѣмъ эти.

Пчелы тотчасъ-же принялись за работу и скоро выстроили десять огромныхъ ячеекъ. Царица снесла для нихъ десять яичекъ покрупнѣе и приказала пчеламъ замазать ихъ въ этихъ ячейкахъ.

Каждый день пчелы вылетали из улья и собирали съ цвѣтовъ медъ и пыль. Но какъ только спускался вечеръ, онѣ возвращались въ улей и заглядывали въ дырочки въ ячейкахъ, что дѣлается съ положенными туда яичками?

— Погодите! сказала имъ однажды царица. — Они начинаютъ вылупляться! И вдругъ всѣ яички треснули. Изъ нихъ появились червячки.

— Какіе смѣшные! удивились молодья пчелы. — Это не пчелы! У пчелъ есть лапки, крылья и глаза, а у нихъ ничего этого нѣтъ!

— Это личинки, отвѣтила имъ царица. — Когда-то и вы, мои милыя, были такими-же, какъ онѣ. Нельзя быть настоящей пчелой, прежде чѣмъ не побываешь раньше личинкой. Но покормите ихъ! Развѣ вы не видите, что новорожденные голодны?

Пчелы тотчасъ-же принялись за кормленіе личинокъ. Но не всѣ личинки ѣли одинаково. Тѣ десять личинокъ, которыя вылупились въ большихъ ячейкахъ, кушали гораздо больше, и чего хотѣли, и каждый день имъ приносили много меду.

— Это будущія принцессы, говорила о нихъ царица. — Ихъ надо кормить какъ можно лучше и больше. Что касается остальныхъ личинокъ, то ихъ можно кормить и впроголодь, это будутъ простыя работницы и надо приучать ихъ къ суровой жизни.

И личинки стали получать съ каждымъ днемъ все меньше и меньше

пищи и должны были довольствоваться тѣмъ, что имъ давали, даже если бы были очень голодны.

Въ одной изъ маленькихъ ячеекъ, находившихся около ячеекъ, въ которыхъ лежали личинки будущихъ принцессъ, сидѣлъ одинъ маленькій, маленькій червячекъ. Это была самая молоденькая личинка изъ всѣхъ; она только недавно вышла изъ яичка. Она не могла видѣть, но уже могла слышать, какъ разговаривали гдѣ-то сбоку взрослые пчелы.

— Попрошу у нихъ ѣсть, подумала она и стала стучаться въ стѣнку своей ячейки.

— Ты уже получила свою часть, отвѣтила ей старая пчела, которая важно прохаживалась взадъ и впередъ по корридору и исполняла обязанности главной надзирательницы за пчелами, кормившими личинокъ.

— Да я хочу ѣсть! воскликнула маленькая личинка. — Я залѣзу сейчасъ въ ячейку къ принцессѣ и съѣмъ у нея все, что у нея тамъ есть!

— Нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого! проворчала пчела — инспектриса. — Скажите, пожалуйста! Эта маленькая дрянь высказываетъ такія пожеланія, точно и въ самомъ дѣлѣ принцесса! Ты рождена для того, чтобы быть работницей и трудиться, милая моя, а не для того, чтобы высказывать свои пожеланія. Знай, что ты не принцесса, а рабыня!

— А я желаю быть царицей! запищала личинка и снова застучала въ стѣнку. — Желая и буду! Хотя и

Сказочная Баба-Яга.

Семья.

не въ отдѣльной ячейкѣ, какъ эти принцессы, но совершенно не такова, какъ всѣ остальные личинки. Вотъ погляди на меня сама!

Пчела-надзирательница не отвѣтила ничего и отправилась своей дорогой. Со всѣхъ сторонъ слышны были жалобы, что не даютъ ѣсть, и маленькая личинка могла слышать ихъ и присоединить къ нимъ и свои.

— Это просто ужасъ! волновалась она.—Вѣдь такъ мы всѣ помираемъ съ голоду!

И она принялась стучать въ ячейку къ принцессѣ и кричать:—

— Эй, ты! Богачка! Дай мнѣ немножко твоего медку! Впусти меня къ себѣ въ ячейку! Меня здѣсь мортятъ голодомъ. Я вѣдь тоже не хуже тебя!

— Ну, какъ-же! отозвалась личинка принцессы.—Изъ меня выйдетъ въ послѣдствіи царица, а ты будешь моей рабыней. Тогда я тебѣ покажу, какъ скандалить!

Но не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ изъ девяти другихъ крупныхъ ячеекъ послышались голоса:—

— Какъ царицей? закричали другія личинки—принцессъ.—Ты не будешь царицей! Это я буду царицей, а не ты!

И всѣ онѣ зашумѣли и застучали въ своихъ ячейкахъ такъ, что было похоже на уличный скандалъ.

Старшая инспектриса прибѣжала на шумъ и заглянула въ ячейки.

— Что вамъ угодно, наши милыя принцессы? почтительно спросила она.

— Дай намъ больше меду! закричали онѣ въ одинъ голосъ.—Только мнѣ первой, первой! Я буду царицей и потому дай мнѣ меду первой!

— Сейчасъ, сейчасъ, засуетилась старшая надзирательница.—Сію минуту, дорогія принцессы!

Она ушла и скоро возвратилась съ нѣсколькими другими пчелами. Всѣ несли въ лапкахъ медъ. Принцессы набросились на него, мигомъ съѣли его и улеглись спать.

А маленькая личинка не спала и все время раздумывала о томъ, что будетъ дальше. Ей очень хотѣлось меду и она то и дѣло стучала въ стѣнку своей ячейки.

— Дайте мнѣ меду! кричала она.— Я не могу уже больше ожидать! Меду, меду, меду!

Старая пчела пригрозила ей.

— Замолчи! крикнула она.—Тссс!.. Вотъ идетъ сама наша царица!

И, дѣйствительно, въ это время вблизи показалась царица.

— Удалитесь всѣ, приказала она пчеламъ.—Я хочу остаться одна.

Она остановилась передъ большими ячейками принцессъ и долгое время провела въ молчаніи.

— Онѣ тамъ... сказала она наконецъ.—И спать... ѣсть и спать— вотъ и все ихъ занятіе теперъ съ утра и до вечера каждый день, по-

ка онѣ не выростутъ еще больше и не сдѣлаются сильными. Но скоро онѣ будутъ уже взрослыми и выйдутъ изъ ячеекъ. Тогда дни мои будутъ сочтены. Я это знаю хорошо. Онѣ выгонятъ меня отсюда съ позоромъ. Но я не подчинюсь этому. Завтра-же утромъ я убью всѣхъ этихъ принцессъ и тогда буду царствовать здѣсь до самой смерти.

Сказавши это, она ушла къ себѣ. Но маленькая личинка слышала все отъ слова до слова.

— Батюшки мои! подумала она. — Вѣдь этакъ нашимъ бѣднымъ принцессамъ грозитъ опасность! Правда, онѣ относились ко мнѣ свысока, но вѣдь будетъ ужасно, если старая царица ихъ убьетъ! Попробую-ка я обратить на это вниманіе нашей ворчуньи-инспектрисы!..

И она снова принялась стучать въ свою ячейку. Услышавъ ея стукъ, инспектриса прибѣжала къ ней и стала ее бранить.

— Да ты съ ума сошла! воскликнула она. — Развѣ такъ ведутъ себя личинки твоего возраста? Такая маленькая и такая безпокойная! Дрянь!..

— Ругайся, сколько угодно, отвѣтила личинка, — но выслушай меня!

И она рассказала инспектрисѣ все.

— Возможно-ли это? воскликнула инспектриса и всплеснула лапками отъ ужаса. — Надо рассказать объ этомъ другимъ пчеламъ!

И, подобравъ лапками крылышки и поправивъ на себѣ чепецъ, она со всѣхъ ногъ побѣжала туда, гдѣ работали пчелы.

На слѣдующій день, вечеромъ, увидавъ, что всѣ пчелы задремали, царица отправилась къ ячейкамъ, чтобы убить принцессъ. Она съ опасеніемъ оглянулась по сторонамъ, а затѣмъ отворила дверцу въ первую ячейку. Но въ эту самую минуту всѣ пчелы, которыя только притворились, что спятъ, бросились къ царицѣ, окружили ее, схватили ее за лапки и за крылья и оттащили ее прочь.

— Что это? воскликнула она. — Заговоръ? Возмущеніе?

— Нѣтъ, почтительно отвѣтили ей пчелы, — но мы узнали, что ты хочешь убить нашихъ принцессъ, и рѣшили тебѣ въ этомъ помѣшать.

— Оставьте меня! воскликнула царица и попыталась отъ нихъ освободиться. — Я ваша царица и имѣю право дѣлать все, что хочу!

Но пчелы держали ее крѣпко и старались вывести ее вонъ изъ улья. Когда онѣ вывели ее на воздухъ, то предоставили ей полную свободу. Царица дрожала отъ гнѣва.

— Вѣроломные! кричала она. — Вы не достойны, чтобы я управляла вами. Больше я не желаю оставаться съ вами ни на одну минуту. Я устрою себѣ новое государство, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, и постараюсь о васъ позабыть. Кто изъ моихъ прежнихъ подданныхъ еще вѣренъ мнѣ и желаетъ меня сопровождать?

Нѣсколько старыхъ пчелъ заявили, что желаютъ летѣть вмѣстѣ со своей прежней царицей, вылѣзли изъ улья и, расправивъ крылья, улетѣли вмѣстѣ съ ней подальше отъ своего прежняго жилища.

— Теперь у насъ нѣтъ царицы, сказали оставшіяся пчелы. — Давайте скорѣе какъ можно больше кормить нашихъ принцессъ, чтобы онѣ выросли!

И онѣ стали таскать къ принцессамъ медъ, а принцессы стали поѣдать его и вдругъ за одинъ день сразу выросли, расплнѣли и стали между собою браниться и ссориться. Объ маленькой личинкѣ такъ никто и не вспомнилъ.

На слѣдующее утро принцессы, всѣ десять, вышли изъ своихъ ячеекъ. Всѣ онѣ были такого же роста и такъ-же красивы, какъ и прежняя царица. Пчелы обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и стали ими восхищаться.

— Трудно сказать, говорили онѣ, — какая изъ нихъ лучше всѣхъ!

— Это я! отвѣтила одна изъ нихъ. — Я красивѣе всѣхъ!

— Нѣтъ я! воскликнула другая и больно ужалила ее своимъ жаломъ.

— Вы обѣ ошибаетесь, заявила третья. — Это я красивѣе всѣхъ!

Тогда всѣ десять зажужжали въ одинъ голосъ и стали драться. Пчелы хотѣли ихъ разнять, но старая инспектриса помѣшала имъ.

— Оставьте ихъ, сказала она. — Пусть онѣ дерутся. Мы увидимъ,

какая изъ нихъ сильнѣе всѣхъ, и ту и выберемъ себѣ въ царицы. Больше одной царицы мы имѣть не можемъ.

Всѣ пчелы собрались въ кружокъ и стали глядѣть на драку. Она продолжалась долго и принцессы дрались съ остервенѣніемъ. Оторванные лапки и крылышки отъ нихъ залетали въ воздухъ и черезъ нѣсколько времени восемь принцессъ уже было убито и лежало на днѣ улья. Двѣ другія все еще продолжали драться. Одна изъ нихъ потеряла въ дракѣ оба крыла, а другая не досчитывала на себѣ четырехъ лапокъ.

— Какая не красивая и жалкая будетъ у насъ новая царица, сказала одна изъ глядѣвшихъ на драку пчелъ. — Лучше-бы намъ было не прогонять нашей прежней царицы!

Но едва она успѣла произнести эти слова, какъ обѣ принцессы такъ стремительно набросились одна на другую, что обѣ пали мертвыми.

— Какое ужасное событіе! закричали сразу всѣ пчелы.

И въ испугѣ онѣ забѣгали по улью, ножки у нихъ задрожали, онѣ всплескивали своими лапками отъ страха и восклицали:

— Что теперь съ нами будетъ? У насъ больше нѣтъ царицы! Какъ теперь мы будемъ жить?

Въ отчаяніи онѣ бѣгали, сломя голову, по улью и не знали, что имъ теперь дѣлать. Но болѣе старыя изъ нихъ и болѣе мудрыя забились въ уголокъ и стали держать совѣтъ.

Много было высказано ими мнѣній относительно того, что теперь остается предпринять, но все это оказалось не подходящимъ. Тогда старшая инспектриса попросила слова. Ей позволили говорить.

— Не далеко отъ ячеекъ принцессъ, сказала она, — живетъ маленькая личинка. Она моложе всѣхъ. По ея поведенію я заключаю, что изъ нея выйдетъ тоже принцесса и къ тому же съ большимъ характеромъ. Это она первая сообщила мнѣ о томъ, что старая царица собиралась убить принцессъ. Давайте выберемъ ее!

Тогда всѣ старыя пчелы въ торжественной процессіи отправились прямо къ той ячейкѣ, гдѣ сидѣла маленькая личинка. Старшая инспектриса вѣжливенько постучалась къ ней въ дверку, тихонько приотворила ее и заглянула въ нее. Маленькая личинка уже была большой. Инспектриса передала ей рѣшеніе пчель. Личинка не вѣрила своимъ ушамъ, но увидѣвъ вокругъ себя почтительные взоры и массу меду, который теперь ей уже позволялось ѣсть сколько угодно, она поняла, что это предложеніе было серьезно.

— Я-же тебѣ говорила, что буду царицей, отвѣтила она инспектрисѣ, — вотъ и стала. А ты не хотѣла мнѣ вѣрить!

Инспектриса виновато опустила голову.

— Надѣюсь, что ты не будешь мнѣ мстить за тѣ мои слова, отвѣтила она. — Ты сидѣла въ общихъ

сотахъ и я думала, что ты—простая пчела.

— Я прощаю тебя! сказала новая царица.—Принеси мнѣ меду!

Всѣ пчелы засуетились около нея, стали ее кормить и ухаживать за ней. Черезъ два-три дня она выросла большая и стала еще лучше и

сильнѣе, чѣмъ была ея старая предшественница.

А старая царица, вылетѣвъ изъ улья вмѣстѣ со своими приверженцами, долетѣла до ближайшаго дерева и сѣла на сучокъ. Всѣ ея пчелы уцѣпились за нее и цѣлой шапкой повисли на суку. Это увидѣлъ крестьянинъ. Онъ побѣжалъ къ дереву, разостлалъ подъ сучкомъ платокъ и стряхнулъ въ него всѣхъ пчелъ.

— Ага, сказалъ онъ, — здѣсь и царица! Это хорошо! Теперь у меня будетъ новый улей!

Онъ завязалъ платокъ за четыре угла и понесъ пчелъ къ себѣ на пасѣку, точно это были не насѣкомья, а ягоды или крупа.

Прійдя къ себѣ, онъ досталъ новый улей, ссыпалъ въ него пчелъ изъ платка и закрылъ его со всѣхъ сторонъ.

— Пускай привыкнутъ къ новой квартирѣ! сказалъ онъ.

А пчелы увидали себя въ новомъ царствѣ и принялись въ немъ устраиваться навсегда.

И изъ одного улья стало два.

Съ датскаго изъ К. Эвальда.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Отчего человекъ не можетъ взлетѣть на воздухъ безъ крыльевъ?
2. Почему мы должны начинать учиться именно съ самаго ранняго дѣтства?

(Предложила С. Кипчакская).

3. За что дѣтей иногда наказываютъ?

4. Зачѣмъ гимназисты носятъ книги въ ранцахъ, а не въ носовыхъ платкахъ?

(Предложилъ Б. Дубровинъ).

5. Изъ чего состоитъ поѣздъ?

(Предложила Катя Ганкевичъ).

ШАРАДА:

Часть первая — принадлежность комнаты, а вторая — насѣкомое. Все вмѣстѣ — часть ленты, желѣза, материи и т. п. Что это такое?

(Предложилъ Андриуша Федотовъ — донской казачокъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Отъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному только слову и составить изъ нихъ новую фразу, которой начинается извѣстное стихотвореніе Пушкина:

1. Наконецъ-то настала хорошая, морозная зима!..

2. Передъ закономъ всѣ равны: и знатный и крестьянинъ.

3. Торжествуя день Богоявленія, мы отправились вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ на водосвятіе.

4. Тутъ не проѣхать ни на саняхъ, ни на дровняхъ, ни пройти пѣшкомъ.

5. Наступила весна и лѣсъ обновляетъ свои зеленые одежды.

6. До свиданія! Счастливый путь! Пишите намъ почаще!

II.

Изъ слѣдующихъ буквъ составить известную русскую поговорку, состоящую изъ четырехъ словъ:

А. Б. ДДД. ЕЕЕЕ. И. Л. Т. У.
ШШШШ. ЪЪЪ. Ъ.

III.

Какіе фрукты и сласти находятся въ слѣдующихъ фразахъ:

1. Эта игра Наташѣ очень понравилась.

2. У нашего брата Александра жена очень заболѣла.

3. Почтальонъ принесъ «Золотое Дѣтство»; братъ взялъ, а сестра говорить:

— «Дай, Ваня, мнѣ; я хочу его тоже почитать!»

4. Эта рыба — налимъ; она очень проворна; ея ловкость вошла даже въ поговорку.

5. Гуляя по берегу Крыма, я встрѣтилъ татарскую арбу, запряженную парюу воловъ.

6. Онъ научился легко фехтованію и танцамъ.

7. У татаръ «буза» — очень распространенный напитокъ.

(Предложилъ Жоржикъ Селиновъ).

Рѣшеніе головоломокъ и шуточныхъ вопросовъ, помѣщенныхъ въ № 4-мъ «Золотого Дѣтства».

Шуточные вопросы: 1) За столами. 2) По льду. 3) По книгамъ. 4) Другой апельсинъ. 5) Третьяго дня, вчера, сегодня, завтра и послѣзавтра.

Головоломки: 1)... коро + ва (корова), 2)... со + бака (собака), 3)... овцы,

4)... о + селъ (осель), 5)... волъ, 6)... ко + шка (кошка), 7)... ко + за (коза), 8)... теля + та (телята).

Головоломки II. Доска, роза, дрова, театр, окорокъ, тетеревъ, Псковъ, поводъ. Задуманное слово Петрозаводскъ.

Рѣшеніе головоломокъ, задачи-шутки, ариомографовъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 5 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I) Вчера я отворилъ темницу воздушной плѣнницы моей. II) Буква «о» (о + лады, о + кошки). III) Налимъ — Миланъ.

Задача-шутка. Надо написать не «четыре», а всю фразу: «Сколько будетъ дважды два?»

Ариомографы: I) Вакса, енотъ, каска, Нева. Задуманное слово — Енотавскъ. II) Фараонъ, арфа, сито, сарафанъ. Задуманное слово — Ариостфанъ.

Ребусъ № 3. Уда + ло + слива + мѣ + ве + село + пр + оvesь + ти + п + разъ + дни + ки = Удалось-ли вамъ весело провести праздники?

Впрямь рѣшенія прислали: Владиміръ, Евгений, и Георгій Конрадъ въ Спб., Нинуша Пыхтѣва изъ Заинска, Митя Новицкій изъ Ахтырки, Юрій Плескій изъ Бердичева, Маруся Целицо изъ Харбина, Зоя и Жоржъ Нижниковы изъ Гатчины, Ваня Касаткинъ, Андриюша Федотовъ — донской казачокъ, Таня Волкова изъ Николаева, Коля, Петя и Доня; М. Корбутъ изъ Казани, Глѣбъ Гуславскій; Андриюша, Сонечка и Вѣрочка Горбуновы; Роза Рейсеръ изъ Шполы, Вѣра Казачкова изъ Одессы, Лидочка Дембовская изъ Ростова-на-Дону, Ѳ. Мостофинъ изъ Череповца, Каро, А. Григорьевъ въ Нахичевани-на-Дону, Витя Быстрицкій изъ Царицына, Алеша Лихолетъ изъ Харькова, Катя Тизенгаузенъ, Лариса Лукьянова изъ Елисаветграда, Кока, Вѣ

РЕБУСЪ № 4.

Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти шуточные вопросы, головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны.

ра и К-о изъ Череповца, Боря Долгинъ изъ Супруновки, Б. Дубровинъ въ Спб.; Шура, Лия, Женья и Володя Качаловы въ Спб., Витя Фаленковъ изъ Рыбинска, Игорь Огневскій изъ Гродно, Петя Степановъ въ Спб.; Шурикъ, Димикъ, Алекъ, Мимикъ, Лидуша, Олюша, Кирюша, Адюша Боярскіе; Вѣра Львова изъ Череповца; Кока и Леночка Кононовичъ изъ Фарфоровскаго завода; Валя и Боря Герасимовы; Женья и Валя Мартовицкіе изъ Таганрога, Галя

Киренская, Коля Меншуткинъ, Вѣра и Наташа Петровы, Катя Пасхалидзе изъ Сѣнно, Могил. губ., Шура, Володя и Лина Шумахеръ изъ Ростова-на-Дону, Аля и Лина Нокольскіе, Соня и Идочка Кипчакскіе изъ Кади-Эскеръ-Коя, Олегъ Рандмеръ, Витольдъ Румшевичъ изъ Чудова, Василій Глуздовскій изъ Платоновки, Тая Гальченко со ст. Невинномысской, 3. Погребная; Жоржикъ и Оляша Селиновы въ Спб., Митя Сладниковъ въ Спб.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Полные экземпляры «Золотого Дѣтства» за истекшій годъ, со всѣми приложеніями, высылаются по **три рубля** за годъ. Въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ—**на 65 коп. дороже**. За пересылку: въ предѣлахъ Европейской Россіи и Закавказья по 45 коп. съ экз. и въ Западную Сибирь и Туркестанъ по 65 коп. съ экз. Въ Восточную Сибирь не посылается вовсе.

Крышки для переплетовъ, отдѣльно,—по 45 коп. За пересылку—**по разстоянію.**

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Карриатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.
Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и къ 1-му Апрѣля
остальные—1 р. 80 к.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская, 3, уг. Пушкарской, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

За перемѣну адреса—28 коп.

Подписной годъ съ 1-го ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.